

Валентин Пикуль

Два портрета неизвестных

*Часть сборника
Через тернии – к звездам.
Исторические миниатюры*

Валентин Саввич Пикуль
Два портрета неизвестных
Серия «Через тернии
– к звездам», книга 24

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164153

*Пикуль В. Через тернии – к звездам. Исторические миниатюры: АСТ,
Вече; 2002*

ISBN 5-17-010665-3, 5-7838-0969-1

Аннотация

«...Я желал бы поведать вам здесь о Жукове то, что известно мне о нем, а более всего он известен своею любовью...»

У нас как-то принято более рассуждать об идеологии декабристов, но любовь остается в стороне, словно довесок к буханке хлеба насущного. Может быть, именно по этой причине мы, идеологически очень крепко подкованные, небрежно отмахиваемся от большой любви – чистой, непорочной, лучезарной и возвышающей человека даже среди его немислимых страданий...»

Валентин Пикуль

Два портрета неизвестных *Историческая миниатюра*

О декабристах у нас пишут как-то выборочно – более о тех, что были знакомы с Пушкиным, или славословят тех, чьи судьбы сложились особенно трагично.

Но многие остались в тени, доселе никому не известные.

Спасибо историкам, живущим в Сибири: они поднимают из праха декабристов, что ныне забыты, но до нас, проживающих “в Европе”, их монографии доходят с трудом. И уж совсем отодвинуты в тень забвения декабристы, которых миновали сибирские рудники, – они были сосланы на Север, оказались даже на Соловках.

Тут можно сказать спасибо историку Георгию Фруменкову, который трудится в славном городе Архангельске; пишет он хорошо и, что весьма редко бывает среди наших историков, пишет интересно, реставрируя из деталей былого такие замечательные личности, как, например, Горожанский, Иванчин-Писарев, Кашкин, Непенин...

Скажите мне, положила руку на сердце, что вы знаете об этих декабристах? Уверен – ничего или почти ничего!

Между тем Г. Г. Фруменков поведал о судьбе совсем забытого декабриста Ивана Петровича Жукова, о котором,

оказывается, в самом начале нашего века был написан даже роман.

Я этого романа не читал и читать не стану, ибо, как доказал Фруменков, он плох и даже фальшив по своей исторической сути. Судя по всему, архангельский историк как следует изучил биографию Жукова, потревожив для этого и архивные залежи, которые в большинстве своем еще лежат никем не тронутые. Но мне однажды показалось, что почтенный Георгий Георгиевич Фруменков (пусть он на меня не обижается) кое-что все-таки упустил в своем превосходном рассказе.

Я желал бы поведать вам здесь о Жукове то, что известно мне о нем, а более всего он известен своею любовью...

У нас как-то принято более рассуждать об идеологии декабристов, но любовь остается в стороне, словно довесок к буханке хлеба насущного. Может быть, именно по этой причине мы, идеологически очень крепко подкованные, небрежно отмахиваемся от большой любви – чистой, непорочной, лучезарной и возвышающей человека даже среди его немислимых страданий.

Думаю, что это предисловие было необходимо.

В русском дворянстве насчитывалось до революции более тридцати дворянских родов Жуковых; из великого множества носителей этой скромной фамилии мы, пожалуй, помним только супругов Жуковых, которых в 1766 году

Екатерина Великая предала гражданской казни за убийство (что нашло отражение в народных лубках), да еще мы знаем Марию Семеновну Жукову, писательницу и художницу, а сейчас живет и работает среди нас замечательный писатель Дмитрий Жуков, выводящий свой родословный корень именно от этой Марии Семеновны. Наш герой-декабрист вышел из деревни, затерянной в вековых лесах Казанской губернии, и каковы его родственные связи – этого не ведал даже наш знаменитый генеалог князь А. Б. Лобанов-Ростовский...

Два слова о казанском дворянстве. Жившее на отшибе Российской империи, оно было, пожалуй, одним из самых образованных, и думается, что создание в 1804 году университета именно в Казани было исторически оправдано. Недаром же иноземные ученые со всей Европы спешили тогда в Казань, чтобы стать в этом городе профессорами. Понятно, почему деревенским воспитателем Вани Жукова стал не местный дьячок с хлестким прутом в руках, а французский аббат Деспарб, раскрывающий том Вольтера свято, будто это был его молитвенник. Домашнее образование Жуков завершал в Казанском университете. Затем со скамьи студента – совсем еще юный, почти отрок! – Жуков пересел в седло, и началась его военная служба. Поначалу он состоял адъютантом своего земляка генерала Желтухина, но однажды имел несчастье нарваться на ревностного службиста Стюрлера:

– Почему не спешите отдать мне честь?

– Извините, Николай Карлович, не успел.

– А почему воротник не застегнут доверху?

– Растерялся и не успел застегнуть.

– Так я вас во фронт поставлю, чтобы впредь успевали и честь отдавать высшим чинам, и крючки на себе застегивать...

Жукова перевели в пехоту, и только в 1822 году он утешил матушку тем, что стал гусаром в Белорусском полку принца Оранского, где вскоре и получил чин штабс-ротмистра. Матушка, к тому времени овдовевшая, тоже “утешила” сыночка известием, что она стала женою Кондратовича и теперь проживает в городе Казани, среди новых и старых сородичей, вполне довольная жизнью.

Гусары квартировали в местечке Васильково под Киевом, где навеки затихли древние курганы витязей и где шумели еврейские ярмарки, где обыватели умели варить ароматное мыло, для церквей они искусно варили душистые свечи, а из мастерских, где утруждались могучие кожемяки, разило невообразимой вонищей.

Михаил Бестужев-Рюмин однажды, прогуливаясь с Жуковым, указал ему на остатки старинных валов:

– Видите? Говорят, что эти валы когда-то обозначали рубежи между Русью и Польшей, а в древности времен князя Владимира наше Васильково было местом ссылки для знатных жен, повинных в чем-либо одном – или изменили мужьям или... состарились.

Именно здесь, в Василькове, молодой гусар пережил два увлечения сразу: княжна Враницкая, обворожительная в своей греховности, покорила его гусарское сердце, а разум был подчинен убедительным доводам Михаила Бестужева-Рюмина, который и ввел Жукова в Южное общество декабристов. Было еще только начало 1824 года, но Васильковская управа уже тогда настаивала на ускоренном восстании. Жуков писал возвышенные мадригалы своей пассии, а по ночам составлял тайные шифры для переписки декабристов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.